

Место встречи — у Троицы, на Всенощной

Главным зданием на площади была Троицкая церковь (или церковь Живоначальной Троицы), которая и дала ей название. Ее построили из дерева в 1710 г., и позже к ней, по данным А. И. Богданова, было сделано несколько пристроек.¹⁰⁹ Алтарь церкви, как и положено, глядел на восток, а вход был со стороны Невы. По мнению краеведов, на колокольне церкви были поставлены часы-куранты, снятые с Сухаревой башни в Москве, хотя доказательств этому историки не приводят.¹¹⁰

Теперь здесь садик-несадик, культурный пустырь против чуждого этому месту и городу так называемого Дома политкаторжан. А между тем при Петре здесь проходила сама история страны. Царь и его окружение часто бывали на службе в Троицкой церкви, хотя храм был тесен и знатным людям приходилось стоять слишком близко от простолюдинов. Поэтому в 1717 г. было приказано «сделать 32 места, где стоять высоким господам», в 1721 г. по чертежам Доменико Трезини перестраивали «попространнее» алтарь, который к этому времени показался уже «малым и тесным».¹¹¹ Здесь отпевали царевичей: в 1718 г. — убитого Алексея Петровича, а в 1719 г. — надежду царя, любимого сына Петра Петровича. Здесь в октябре 1721 г. Петр I был провозглашен императором и «Отцом Отечества». Большие торжества и сопровождавшие их церковные службы, приходившиеся на лето, проводили не в тесной церкви, а рядом, прямо под открытым небом. Для этого разбивали большой шатер, в котором ставили алтарь. Так было в день празднования годовщины Полтавской виктории в июне 1721 г.¹¹² Вся церемония вокруг церкви и

¹⁰⁸ *Семевский М. И.* Слово и дело! 1700—1725. СПб., 1884. С. 12—16.

¹⁰⁹ *Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. С. 292—293; *Овсянников Ю. М.* Доминико Трезини. С. 211.

¹¹⁰ *Филиппов С.* Площадь Революции. Л., 1979. С. 17. О том, что куранты били каждый час, писал Вебер — см.: *Вебер Ф. Х.* Из книги «Преображенная Россия». С. 112.

¹¹¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 106. Л. 362. Оп. 2. Д. 306. Л. 145.

¹¹² *Берхгольц Ф. В.* Дневник... Ч. 1. С. 44.

шатра была красочна и торжественна: тут на открытом пространстве Троицкой площади выстраивалась гвардия, располагалась батарея для пушечных салютов, на Неве стояли корабли, с которых также палили орудия. В июне 1721 г. иностранец видел, как после литургии в шатре, духовенство «в великолепных облачениях, в предшествии распятия и восковых свеч, возвратилось в церковь, начался обратный марш гвардии под командой самого царя как полковника к реке, на которой стояли галеры, перевезшие его на другую сторону, где гвардия стояла лагерем».¹¹³

Портрет на фоне города

Два царевича — две свечи

Трагедия в Трубецком бастионе летом 1718 г. имела свою предысторию. Осенью 1715 г. резко обострился давний конфликт отца и сына, Петра Великого и царевича Алексея Петровича. Дело в том, что 13 октября у супруги царевича, кронпринцессы Шарлотты Христины, родился сын, здоровый и крепкий мальчик, которого в честь великого деда назвали Петром. Спустя же всего 12 дней у царицы Екатерины Алексеевны, жены Петра Великого, тоже родился мальчик, которого также назвали Петром. Столь неожиданное династическое «состязание» отца и сына никого не обрадовало. Все понимали, что царевич Алексей — наследник престола, благодаря рождению собственного наследника, прочнее встал на земле и в скрытой борьбе с отцом усилился.

Сам же царь, так долго ждавший появления на свет сына (до этого Екатерина дарила «старикку» только девочек), не мог допустить, чтобы престол достался не Петру Петровичу — сыну от любимой жены. И тогда он объявил Алексею, своему наследнику, войну. От прежней недоверчивости и холодности в отношениях со старшим сыном, царь перешел к грубым выпадам, несправедливым упрекам и угрозам. Кончилось это, как известно, ужасно: затравленный Алексей бежал за границу, его хитростью и ложью выманили в Россию и убили в Петропавловской крепости. А тем временем оба мальчика, оба Петра,

Царевич Петр Петрович

¹¹³ Там же. С. 45.

ровесники — дядя и племянник, росли и крепили час от часа. Но с самого начала разные феи стояли у их колыбелей. Сын царя Петр Петрович рос, окруженный необыкновенной любовью стареющих родителей. Нежными прозвищами «Шишечка», «Потрошонок», «Петруша» называли его в письмах счастливые Петр и Екатерина. С ним были связаны все надежды султанов — недаром они говорили о нем как о «Санкт-Петербургском хозяине»: не было сомнений, что этому мальчику быть императором России.

И, действительно, мальчик — здоровый и веселый — оправдывал эти надежды. Казалось, судьба на этот раз пощадила корень Петра. Но нет! В апреле 1719 г. грипп в течение нескольких дней убил малыша, которому не было и четырех лет. Року трудно было придумать более страшный удар для царя и его жены — старость стояла на пороге, а любимый наследник умер. Восемь лет спустя, уже после смерти самой Екатерины I, в ее вещах были найдены игрушки Петра Петровича: «Пряжечка серебряная, свистулька с колокольчиком, рыбка стеклянная, хлыстик черепаховый». Мужа, десяток своих детей пережила Екатерина, но бездельюшки сохранила только от «Шишечки» — так он был ей дорог.

Иначе сложилась судьба сына царевича Алексея. После похорон Петра Петровича 26 апреля 1719 г. был схвачен Степан Лопухин — дальний родственник царевича Алексея. Свидетели показали, что Лопухин на траурной службе в Троицкой церкви кощунственно засмеялся и проговорил: «Свеча моя не угасла, остался великий князь Петр Алексеевич!» Можно представить отчаяние царя Петра, читавшего допрос Лопухина: его свеча, его надежда действительно угасла, а свеча сына ненавистного царевича, свеча Лопухиных разгоралась...

А жизнь шла своим чередом. Петр Алексеевич, этот мальчик-сирота (мать его умерла при родах, отца казнили), обделенный вниманием, не согретый ничьей любовью, рос, как трава на обочине. Вопреки всему он жил, радуя врагов царя-реформатора. Все знали — будущее России будет наверняка в его, императора Петра II, руках. Так и случилось. Но это уже другая история.

Построенная поспешно, Троицкая церковь уже при жизни Петра I пришла в негодность, по именному указу 5 января 1724 г. ее освидетельствовала комиссия, состоявшая из Доменико Трезини, Германа ван Болеса и плотника, «которой по контракту выехал из Швеции».¹¹⁴ Впоследствии церковь ремонтировали и перестраивали несколько раз. В 1927 г. эта святыня Петербурга была уничтожена большевиками.

Петр любил эту неказистую церковь и чаще всего молился именно в ней. Как описывает современник, царь «всякое воскресенье и праздники неотменно приезжает к церкви Троицкой на Петербургском острове против Сената и по входе в церковь никогда в паруче не входит, сняв, отдает

¹¹⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 44а. Л. 145—147.

денщику и становится на правый клирос и при нем его дворцовые певчие; и пение производит четвероголосное, партесу не жаловал, а во время обедни сам читал апостол, голос сиповатый, не тонок и не громогласен, лицом смугл, ростом не малый, сутоловат; когда от пристани идет до церкви, из народа виден по немалому росту, головою стряхивал».¹¹⁵

Другой современник, также бывавший в церкви во время службы, писал, что Петр «стал по обыкновению среди певчих, в хоре которых звучно и отчетливо пел, сам вышел с Библией в руках и, стоя в царских вратах, довольно громким голосом прочел перед всею паствой главу из послания Павла к Римлянам, после чего снова присоединился к певчим».¹¹⁶

Отступление

Чертовщина на колокольне

Декабрьской ночью 1722 г. солдат Данилов — часовой Троицкой церкви, был страшно напуган необыкновенными событиями, которые начали происходить за его спиной, в запертой на замок колокольне церкви. Он услышал за дверью на ярусах колокольни «великий стук с жестоким страхом, подобием беганья», тяжелые шаги по скрипучим ступеням лестницы, грохот бросаемых об пол предметов. Но присяга есть присяга, и, дрожа от страха, солдат стоял на своем посту, пока не пришел соборный псаломщик Дмитрий Матвеев благовестить к утренней службе. Открыв двери колокольни, псаломщик удивился — на ярусах царил полный беспорядок. Лестница-стремянка, по которой поднимаются к верхним колоколам, была разломана и сброшена вниз, канаты и веревки, прикрепленные к колоколам, невероятно перепутаны и связаны... Свят-свят!!!

На следующую ночь в трапезной церкви, через которую и был проход на колокольню, уже собралась целая компания: несколько солдат, псаломщик и еще кто-то. И снова в полночь с колокольни послышался страшный шум. Все были убеждены, что на колокольне орудует нечистая сила, а по-нашему говоря, полтергейст. Утром псаломщик рассказал о необычайном происшествии священнику Герасиму и дьякону Федосееву, которые устроили между собой «ученый спор»: поп считал, что на колокольне возитесь кикимора, то есть домовой, а дьякон полагал, что там шалит сам черт. И во время этого спора дьякон произнес роковые слова, что, мол, все это не случайно и довольно скверно и что «Санкт-Петербургу пустеть быть!».

По доносу псаломщика дьякон Федосеев был арестован, дело получило огласку, им занялась Тайная канцелярия — ведь дело происходило в Тро-

¹¹⁵ Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб.; Париж; М.; Нью-Йорк, 1993. С. 127.

¹¹⁶ Юль Ю. Записки... С. 221—222.

ицкой, любимой государем, помазанником Божиим, церкви. И тут такое! Следует заметить, что политический сыск во все времена был циничен и равнодушен к чудесам, знамениям, потусторонним силам. Всех, кто объявлял о них, тотчас тащили в пыточную камеру и задавали два прозаичных вопроса: «Для чего ты это говорил и кто тебя этому подучил?» Все доводы и ссылки на волшебные силы в сыске не принимали. Так и дьякон Федосеев был допрошен, что-то бормотал про шум на колокольне, испуганные свидетели подтверждали, но следователей интересовали только сказанные несчастным дьяконом слова и больше ничего...

Словом, Федосеев был бит кнутом и сослан навечно в Сибирь, «чтоб, на то смотря, впредь другим таких непотребных слов говорить было неповадно». Но, как говорится, на каждый роток не накинешь платок (хотя, надо сказать, очень старались это сделать), и пошли упорные слухи о том, что Петербургу «быть пусту», что построенному на топком берегу, вопреки природе, желанию людей, городу придет конец, он погибнет, ибо с самого своего «незапного» начала обречен. Эти слухи жили в толще народа, переходили от одного поколения к другому. Нечистый шалил на Васильевском, покойники в чиновничьих мундирах приставали к прохожим, медный истукан скакал по улицам... Вся жизнь этого города, висевшего на самом краю России над бездной вод, подтверждала слова дьякона Федосеева, и не раз под напором волн Балтики, при нашествии страшных врагов многим его жителям казалось, что город вот-вот погибнет, что сбудется мрачное пророчество: «Петербургу быть пусту!»